

УДК 82

ЖЕНСКИЕ АРХЕТИПЫ В «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ» В КОНТЕКСТЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ И ПОСЛЕДУЮЩЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

© 2008 г.

Ю.Н. Бучилина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

buchil@bk.ru

Поступила в редакцию 18.07.2008

Исследуется архетипическая основа основных женских образов «Песни о Нибелунгах», даётся подробный анализ истоков именно такого проявления героизма женских персонажей, который затем стал по-разному интерпретироваться в литературе и искусстве последующего времени.

Ключевые слова: архетип, героический эпос, средневековая литература.

Женские архетипы в древнегерманской героической поэме «Песнь о Нибелунгах» связаны с архетипом героя, который, воплощаясь в женском образе, приобрёл специфические черты, закрепившиеся за каждым конкретным персонажем (в данном случае речь пойдёт о центральных женских фигурах этого произведения: Брюнхильде и Кримхильде).

Е.М. Мелетинский отмечал, что теоретики психоаналитического направления¹ в изучении литературного материала ставили во главу угла только образы, т.н. «ключевые фигуры», которые, в свою очередь, порождали мотивы, в то время как «сами сюжеты далеко не всегда вторичны и рецессивны» [1, с. 60] и могут сами продуцировать новые образы.

Архетип героя также не только задаёт цепочку мотивов, но и находится в неразрывной связи с архетипическими сюжетами, способными варьироваться. Обычно герой определяет сам ход событий, происходящих с ним от рождения и до смерти. Он исключителен с самого детства: или у него нет родителей, или они необычны, или он появляется на свет необычным образом (очень быстро, очень медленно, рождение сопровождается смертью матери или отца). Затем он показывает свою силу, ловкость, красоту, после этого наступает момент инициации. Герой уходит в лес, в другую страну, – словом, пускается в путешествие, в иномирие и вступает там в борьбу с хтоническим чудовищем, которым обычно является дракон, великан или тролль. Этот подвиг становится своеобразной стартовой площадкой для его дальнейших героических деяний, которые могут быть чрезвычайно разнообразны, от победы над новыми чудовищами или могучими воинами до добывания чудесной невесты, чудесного предмета,

клада, по мнению Дж. Кэмпбелла, должно принести ему или его соплеменникам благо по возвращении обратно к месту начала путешествия [2, с. 244]. Эта сюжетная цепочка имеет несколько другой вид, если речь идет о мести, стремление к которой вовсе не всегда является присущим герою, но если и присутствует, то, как правило, реализуется на начальном или завершающем этапе в череде подвигов и приключений. Зачастую герой проявляет себя в том, что уже в ранней юности неожиданно оказывается способным отомстить за отца или мать, тем самым уже пройдя инициацию, или гибнет, осуществив свою месть. Так или иначе, его героическая сущность проявляется именно в том, что он доводит начатое дело до конца, так как оно становится для него основным смыслом существования. В одной из ирландских саг («Сага о Сыновьях Дроплауг») герой не улыбается и не смеётся, пока не исполняет задуманное, что говорит о его внутренней сосредоточенности на одной мысли, одном намерении. Только когда родственники слышат его смех, они понимают, что он выполнил свой долг, ибо месть, особенно для архаического сознания, была главным долгом, своеобразным кодексом чести и законом, от которого не мог отступать ни один настоящий воин, ни один настоящий герой.

Как ни удивительно, именно в этой ипостаси героя-мстителя выступают Брюнхильда и Кримхильда (в древнескандинавских источниках Брюнхильд (Brunhild) и Гудрун (Gudrun)). Дело в том, что из всех сюжетных мотивов, сопровождающих героя, таких как борьба с чудовищем или добывание волшебного предмета, именно мотив мести является преобладающим. Безусловно, героиня может иметь огромную физическую силу (как в случае с Брюнхильдой),

но может и отличаться только душевными качествами: упорством в достижении цели, хитроумием, несгибаемостью и силой духа, побуждающими её к точно рассчитанным действиям, не зависящим ни от каких препятствий, будь то гибель сотен людей, убийство своих детей или собственная смерть. Самой известной мстительницей в Древней Руси была княгиня Ольга, которая не пожалела ни одного древлянина при осуществлении мести за смерть своего мужа князя Игоря. Это тем более интересный факт, что мстила она не за представителя своего рода и не за себя лично. При этом её поступок не осуждался и выглядел вполне правомерным, чего нельзя сказать о немецкой Кримхильде, чья месть за мужа вызывает неприятие, граничащее с обвинением в преступлении.

История мести начинается с обмана. Он происходит, когда Зигфрид (Сигурд) под видом Гунтера (Гуннара) преодолевает препятствия, побеждает во всех состязаниях, чтобы добыть в невесты для своего побратима деву богатырской силы Брюнхильду (Брюнхильд), по всем признакам предназначенную только ему. В древнескандинавском варианте существует предыстория этого поединка, связанная с обменом любовными клятвами между Сигурдом и Брюнхильд, а также с напитком забвения волшебницы Grimхильд, заставляющим Сигурда жениться на сестре Гуннара, Гудрун. Раскрытие обмана способствует трагической развязке этой ситуации, ибо Брюнхильд не может не отомстить за поруганную честь.

Образ Брюнхильды (Брюнхильд) обладает огромной притягательностью и большим художественным потенциалом, несмотря на то, что сведения о ней скудны. Уже о её происхождении даётся довольно скупая информация. В «Старшей Эдде» она сестра Атли, дочь конунга Будли. В «Песни о Нибелунгах» вообще ничего не известно о её роде. О ней идет слава как о могущественной королеве-воительнице, и только. Но в Брюнхильде (Брюнхильд), как и в Зигфриде (Сигурде) чувствуется принадлежность к иномирию. Она представительница архаического сознания, близкого к языческой древности. Не случайно Брюнхильда Ф. Геббеля (трагедия «Нибелунги», 1862) с рожденья связана с, казалось бы, отошедшим в прошлое культом Одина, а Йордис Г. Ибсена (драма «Воители в Хельголланде», 1858), прототипом которой является Брюнхильд древнескандинавских песен и саг, после смерти отправляется в языческий мир мёртвых. Причастность к языческому миру определяет суровость её решений, непреклонность в достижении цели. Она идет на обман, застав-

ляет мужа нарушить клятву верности, чтобы завершить месть. Именно в этой героической твёрдости художники находят все новые источники для интерпретаций этого образа. Г. Ибсен видит в ней тип уходящей в прошлое, сильной, не идущей на компромиссы с действительностью и своей совестью личности, предпочитающей добровольный отказ от жизни долгому, но унижительному существованию, построенному на самообмане и самооправдании. В обмен на видимость благополучной жизни антагонисты Йордис готовы терпеливо жить в браке, заведомо основанном на лжи и обмане, в которых они боятся признаться самим себе. В них нет достаточной смелости, чтобы действовать в интересах справедливости, а не своих собственных. Строя своё мимолетное счастье, они разрушают чужое, что всё равно в итоге приводит к трагедии.

В трилогии Ф. Геббеля месть Брюнхильды представляет собой также довольно сложное явление. Своим обманом Зигфрид и Гунтер не только совершают подмену жениха для Брюнхильды, но и заставляют её невольно нарушить обет выйти замуж только за того, кто не знает страха. Обвенчавшись с Гунтером, она предала сама себя. Кроме того, её мог победить лишь тот, кто равен ей по силе. В трагедии Зигфрид и Брюнхильда позиционируются как последние богатырь и богатырша из архаического прошлого, чей союз мог бы привести, по предсказаниям, к рождению человека, равного которому не было на свете. Зигфрид же не подчиняется своему предназначению. Это отступничество от Брюнхильды и осознание того, что ею воспользовались лишь как средством, чтобы жениться на другой женщине, усиливают внутреннюю решимость героини, питающую, несмотря ни на что, сильную любовь к Зигфриду. Внешним поводом к мести становится раскрытие Кримхильдой подмены жениха при сватовстве. Требуя восстановить свою честь, Брюнхильда на самом деле наказывает не только Зигфрида за его неосознаваемое предательство, но и себя за то, что она нарушила свои обеты.

Характерно, что месть оказывается последним героическим деянием древнескандинавской Брюнхильд. Брюнхильда же в «Песни о Нибелунгах» продолжает счастливо жить со своим супругом, родив ему сына Зигфрида. Однако во второй части поэмы она присутствует достаточно пассивно и уже не оказывает влияния на ход событий, как бы выполнив своё предназначение сыграть решающую роль в убийстве Зигфрида. В «Старшей Эдде» Брюнхильд, узнав о смерти Сигурда, разражается безудержным

смехом, свидетельствующим отнюдь не о радости, но скорее о торжестве над самой собой и внутренней горечи. Смех помогает ей принять удар, вызванный смертью Зигфрида. Смех предвосхищает её решимость пойти вслед за ним на погребальный костер и в Хель. «Сага о Вёлсунгах» имеет аналогичный сюжет. Брюнхильда Ф. Геббеля погребает себя заживо в пещере. Йордис Г. Ибсена кончает жизнь самоубийством. Готовность к смерти, к тому, чтобы в любой момент принять свою судьбу, – истинно героическое качество. Решаясь на месть, герой готов и к собственной гибели, так как после осуществления им задуманного для него пропадает смысл существования. Чем месть страшнее, чем больше средств, времени на неё уходит, тем меньше тяги к жизни остаётся у героя или героини.

Самый яркий пример тому в «Саге о Вёлсунгах» – Сигнью, дочь Вёлсунга, убитого её мужем. С самого начала она знает о планах своего супруга стубить всех мужчин её рода. Она пытается предупредить своих родственников, а когда они попадают в беду, всяческими хитростями продлить им жизнь и спасает всё же одного из братьев. Сигнью и сыновей своих от мужа готовит к мести их же отцу, испытывая их разными способами, а когда они оказываются неспособными на это, меняется обличиями с колдуньей и зачинает сына от своего брата. Этот мальчик и его отец в итоге завершают месть, начатую ей. При этом гибнут другие дети от её мужа. Она же сама уходит в палату, охваченную огнем, где находились её муж и его дружина, ибо нет у неё сил продолжать жить после этой мести. Не случайно так подробно мы остановились на этом сюжете. Почти с полной точностью он повторяется в судьбе Гудрун, мстящей мужу Атли за смерть своих братьев. Она также пытается предупредить о грядущей беде, также с неприязнью относится к своему мужу и предвидит от своего брака с ним большие беды для своего рода. Все силы свои она тратит на то, чтобы защитить близких, даже сама выходит, вооруженная, биться на стороне братьев. Хитростью она пытается продлить жизнь Гуннару, бросая ему в ров со змеями арфу, играя на которой пальцами ног, он усыпляет всех змей, кроме одной, которая и становится причиной его гибели. Сигнью, в свою очередь, когда её брата и сына схватили и посадили под каменную плиту, успела подбросить им в пучке сена меч, которым они перепилили плиту и осуществили свою месть. Так же как и Сигнью, Гудрун не жалеет ничего и никого, в том числе и детей, для достижения своей цели. Гудрун

предаёт смерти своих сыновей и заставляет ничего не подозревающего Атли съест их сердца. Детей она убивает не потому, что стала фурией, но потому, что это причинит сильнейшую боль её мужу, какую только можно представить. Также Брюнхильд в «Старшей Эдде» и «Саге о Вёлсунгах» мстит не Сигурду, но через его смерть Гудрун за нанесенную ей обиду, так как знает, что это будет самой страшной мукой для неё, мстить же женщинам и детям, убивая их, для героического сознания было недопустимо. Еще одна параллель между Сигнью и Гудрун состоит в том, что в мести им помогает кто-то из родственников. Сигнью – брат и сын, Гудрун – Нифлунг, племянник, сын Хёгни. Интересно, что, по некоторым вариантам песен «Эдды», Гудрун не погибает вместе со вторым мужем, а в третий раз выходит замуж, производит на свет ещё троих сыновей и растит их вместе со Сванхильд, дочерью Сигурда. Последняя погибает от навета злого советника Бикки, и после этого инициатором мести за Сванхильд опять становится Гудрун. Она подстрекает своих сыновей убить обидчика её дочери. Таким образом, этот сюжет о героине-мстительнице повторяется с завидной регулярностью.

То, что возможность осуществить месть закрепляется за женщиной, отчасти связано с её демоническими качествами. Например, в «Саге о Вёлсунгах» упоминается, что, съев вторую половину сердца дракона, хтонического существа, Гудрун стала мудрее и злее. В «Песни о Нибелунгах» многие сказочно-мифологические мотивы отсутствуют или сознательно опускаются, но Кримхильда во второй части немецкого эпоса по необъяснимым причинам также обладает демонизмом: горя мыслью о мести, она не останавливается ни перед чем, даже перед угрозой жизни её ребенка, не говоря уже о жизни своих братьев. Не зря её называют «дьяволицей» [3, с. 774]:

Nu ist von Burgunden der edel kunec tot,
Giselher und Volker, Danchwart und Gernot.
Den hort den weiz nu niemen, wan got unde min.
Der sol dich, valendinne, immer wol werholn sin².

Мсть заслоняет собой все её чувства: любовь, жалость, справедливость. Эта решимость основана именно на древнейших архаических представлениях о мести, так что в основе образа Кримхильды во второй части поэмы лежит именно этот древний архетип (героини-мстительницы), уже воплощавшийся в образе древнескандинавских героинь Гудрун и Сигнью. Но, в отличие от них, идеализации её образа во

второй части не происходит. Симпатии автора находятся явно на стороне Хагена и бургундских братьев-королей. И дело не только в том, что она мстит именно за мужа, который не являлся представителем её рода. Если бы объектом мести не оказались её родственники, то её поступок можно было бы оценить и положительно. Дело всё в тех же архаических представлениях, которые имплицитно проходят через всю «Песнь о Нибелунгах». Лучше всего это сказано в первом завете Сигурду валькирии Сигдрифы в «Речах Сигдрифы» «Старшей Эдды» [4, с. 286]:

...С родней не враждуй,
Не мсти, коль они
Ссоры затеют;
И в смертный твой час
То будет ко благу.

Этому совету следует Гудрун и героически погибает вместе с мужем в огненной зале. Этот завет и нарушает Кримхильда, также умирающая в конце, но не по собственной воле, а в результате порыва мести вассала Дитриха Бернского, который не мог стерпеть, что такой герой, как Хаген, принял свою смерть от руки женщины. Однако эта слепая преданность памяти своего мужа в более поздних интерпретациях нашла своё оправдание. И образ Кримхильды как верной до гроба любящей жены стал популярен в кинематографическом искусстве. Дилогии «Нибелунги» Ф. Ланга (1924 г.) и Х. Райнла (1966–1967 гг.) оправдывают героиню в её поступках, давая им современную, более гуманистическую интерпретацию, ибо героиня, перенесшая столько страданий, имеет право на возмездие, которое она совершает наиболее дорогой для себя и окружающих ценой. Кримхильда Х. Райнла, подобно эпическим героиням древности, сама лишает себя жизни. Немного сложнее с героиней Ф. Ланга. Безусловно, Маргарет Шён, сыгравшая Кримхильду, создала впечатляющий образ не только мстительницы, но и самой силы разрушения всего внешнего окружающего её миропорядка в качестве компенсации за разрушение её внутреннего мира. Но в этом можно усмотреть и иной смысл. Фильм был снят прежде всего в контексте своей эпохи, характеризовавшейся приходом к власти в Германии националистической партии, везде и во всем пропагандировавшей свои интересы. Зигфрид в свете популярных тогда теорий о сверхчеловеке и расовых различиях символизировал собой представителя истинной арийской расы. И его гибель, по мнению

многих исследователей, должна была в духе идеологических теорий того времени означать гибель цвета немецкого юношества в Первой мировой войне, поражение немецких войск и системы государственного управления Германии, а вторая часть фильма должна была показать, что за это непременно последуют реванш и расплата, а унижение и нищета будут отмщены. Как следствие, немецкий народ снова станет значимым и сильным на мировой арене. Именно эта жажда отмщения стала главной чертой в образе Кримхильды Ф. Ланга. Тем не менее время прошло и многое изменило в политической ситуации Германии, а фильм остался непревзойденным образцом экранизации средневековой поэмы. Неискушенный в вопросах идеологии зритель вполне искренне может воспринять всю горечь утраты Кримхильды, увидеть борьбу противоречивых чувств: любви к братьям и стремления исполнить клятву мести Хагену за убийство Зигфрида, томления ожиданием исполнения своей цели, желания освободиться скорее от мучительного задания и принять свою смерть как единственный возможный исход после гибели мужа. Именно таким, архетипическим в своей основе, предстаёт образ Кримхильды в незавершенной поэме Д. Андреева «Королева Кримхильда», написанной им после просмотра второй части фильма «Нибелунги» Ф. Ланга – «Месть Кримхильды».

Подводя итог, можно сказать, что все, даже потрясающие своей чудовищностью поступки героинь отражают «сущность героизма» (ибо они могут относиться к так называемому «избыточному героизму»³), как о ней писал М.И. Стеблин-Каменский. Она состоит «в безграничной силе духа, в победе человека над самим собой, в свершении им чего-то трагического для него самого, часто такого, что ведет к гибели» [5, с. 55]. Героическое сказание поэтому «не панегирик, а трагедия, его сущность — горе и гибель» [5, с. 55]. Герой или героиня одерживают победу над собой во имя того, что представлялось высшим долгом (честь рода, героическая честь вообще). Таковы действия Гудрун, Брюнхильд, Сигню, которые являлись примером для социума (в некоторых «родовых» сагах герой упрекает своих родных, например сестру, в бездействии и том, что она не совершает мести, как Гудрун и подобные ей женщины – защитницы рода). Кримхильда также становится примером верности своему мужу, правда, в позднейших интерпретациях.

Итак, женские архетипы в «Песни о Нибелунгах», безусловно имеющие в своей основе единый архетип, практически полностью по-

строены на мотиве мести, который в каждой новой интерпретации сюжета трактовался по-своему.

Примечания

1. К.Г. Юнг, Дж. Кэмпбелл, Э. Нойман, Ж. Дюран и др.
2. Отрывок из речи Хагена:
*Погиб державный Гунтер, король моей страны.
Млад Гизельхер и Гернот врагами сражены.
Где клад – про это знаем лишь я да царь Небес.
Его ты, ведьма, не найдёшь – он навсегда исчез.*
(перевод Ю. Коренева) [4, с. 627].
3. А.Я. Гуревич относил к «избыточному героизму», например, требование Гуннара не просто умертвить брата Хёгни, но показать его сердце, или убийство Гудрун своих детей от Атли, когда уже было ясно, что скоро месть ему будет совершена и

без этого. Это было, по мнению учёного, отличительной чертой героя: «Поведение героя не только беспредельно мужественно – оно ещё и, так сказать, «избыточно» [6, с. 49].

Список литературы

1. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
2. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Пер. с англ. А.П. Хомик. М.: Рефлбук, АСТ, 1997. 384 с.
3. Das Nibelungenlied. DusseldorfZurich: Artemis & Winker, 2005. 855 S.
4. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: ИХЛ, 1975. 752 с.
5. Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландская литература. М., 1979. 192 с.
6. Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. 192 с.

WOMEN'S ARCHETYPES IN THE NIBELUNGENLIED IN THE CONTEXT OF PREVIOUS AND SUBSEQUENT CULTURAL TRADITION

Yu.N. Buchilina

The article presents the results of the research of the archetypal base of principal women's images in the Nibelungenlied. The author gives a detailed analysis of the sources of women's characters' heroism, which later came to be interpreted in different ways in the literature and art of subsequent times.